

НАША СТРАНА

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА

ОСНОВАНА И. Л. СОЛОНЕВИЧЕМ

“NUESTRO PAIS”

SEMENARIO MONARQUICO RUSO

Registro Nacional de Propiedad Intelectual No. 588.986

Correo
Central B.
ArgentinaFRANQUEO PAGADO
Concesión N° 4233
Concesión No. 3980

INTERES GENERAL

Editor-Director
VSEVOLOD DUBROWSKY
Casilla de Correo 2847
Buenos Aires Argentina

AÑO X Buenos Aires, Jueves, 24 de julio de 1958

Буэнос Айрес, четверг 24 июля 1958 года № 444

Н. Кусаков

ЕВРЕИ В СССР

Каждого из нас живо интересуют все стороны жизни и быта на нашей Родине, поработанной большевизмом. Личный опыт большинства из нашей среды дает возможность исчерпывающе судить о происходящем на русской земле даже по отрывочным справкам повременной печати. Так, когда Хрущев говорит о борьбе с выделкой самогона, наши журналисты видят, что в СССР либо водки нет в лавках, либо она безумно дорога; когда он говорит о борьбе с хулиганством, мы видим, как под эгидой этой борьбы, малейшие поступки, способные быть истолкованными, как нарушение общественного порядка, через залы “Нарсуда”, будут рычагом для пополнения числа рабочих на отдаленных стройках, нуждающихся в труде заключенных. Видим мы и беспросветный, безрадостный быт советского гражданина, толкающий его в объятия “единственного утешителя отчаянных” — в объятия зеленого змия. (См. статью “Наблюдателя” в предыдущем номере “Нашей Страны”). Мы знаем многое, но хотим знать больше.

Положение евреев в СССР — это один из немногих пунктов, о которых мы знаем мало. Особенно запутали наши представления не столь давние толки об антисемитизме Сталина и пр., а последующие более чем скудные строки по этому предмету вопроса не выяснили.

Поэтому мы с живым интересом отнеслись к недавно появившейся в печати статье Председателя Мирового Еврейского Конгресса Мировой Организации Сионистов д-ра Наума Гольдмана. Она озаглавлена “Еврейская Община в Советском Союзе” и помещена в газете “Clarín”, Буэнос Айрес, 8-ое июля 1958 г. (La Colectividad Judía en la Unión Sovietica). Эта статья не только освещает вопрос о положении евреев в СССР, но и трактует проблему, перед которой оказалось еврейство в стране, где власть насильственно держится в руках коммунистической партии.

В этом отношении д-р Гольдман, несомненно, имеет достаточную информацию. Он ставит вопрос, требующий разрешения с нужной категоричностью и обрисовывает проблему с полной ясностью. Однако, чувствуется, что он, как лицо, не прошедшее советских “университетов” — от стояния в хлебных очередях и счастья получить ордер на право починки ботинок, чрез курс школ средних и высших, через принудительное участие в проработках речей больших и малых вождей, и вплоть до сидения в Бутырках и на Лубянке, — д-р Гольдман имеет не вполне точное суждение о развитии генеральной линии партии, не представляет себе всех возможностей и невозможностей так называемого правительства СССР, т.е. ЦК КПСС (б), партии большевиков. А ведь советская власть познается только опытно!

Д-р Гольдман говорит следующее:

Если до последнего времени с советской стороны систематически заявлялось, что “В Советском Союзе еврейской проблемы нет”, то недавно Хрущев был вынужден признать обратное. В интервью, данном им парижской газете “Фигаро” он сказал: “В Советском Союзе есть национальности менее численные и менее способные, чем еврейская. Но эти нееврейские национальности имеют способность организовать свою жизнь в общине”. Из этого д-р Гольдман делает вывод, что для Хрущева, т.е. для советской власти, еврей

Е. И. В. ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ВЛАДИМИР КИРИЛЛОВИЧ

В воскресенье, 27-го сего июля, по случаю тезоименитства
Главы Династии, Е. И. В. Великого Князя
ВЛАДИМИРА КИРИЛЛОВИЧА
в Кафедральном Соборе Воскресения Христова (ул. Нуньес 3541)
после Божественной Литургии будет отслужен
МОЛЕБЕН
о здравии ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА
на который приглашают всех русских людей
Корпус Императорских Армии и Флота — Союз Императорской Конницы и Конной Артиллерии — Союз бывших Императорских Кадет — Российский Имперский Союз-Орден и Народно-Монархическое Движение.

— это есть национальность, отличающаяся от всех прочих, населяющих СССР. В том же интервью Хрущев сказал, что евреям был дан шанс организовать жизнь своей общиной в Биробиджане, но попытка эта потерпела фиаско. Хрущев смотрит “скептически на возможность существования еврейских общин”.

Отсюда возникает соображение, что Хрущев считает возможным полное исчезновение — растворение — евреев, как таковых, но в то же время он не задумывается над вопросом их ассимиляции, о которой помышляли прежние советские лидеры. Теперь, как бы еврей ни ассимилировался с советской культурой и обычаями, на него все равно всегда смотрят, как на еврея. “В паспорте, — пишет д-р Гольдман — указана национальность, и проблему еврейства его владельца невозможно разрешить, с одной стороны, забывая о ней, а с другой — о ней постоянно памятуя”.

В Советском Союзе “проблему еврея невозможно разрешить ни ассимиляцией, ни исключением из еврейства (dejudaizaci6n)”. Итак, политика ассимиляции евреев, по началу предвзятая советскими лидерами, теперь совсем забыта.

В то же время “еврейство в СССР лишено возможности свободно выявлять свое национальное существование, — возможность, которую имеют все остальные национальности, составляющие СССР”. Д-р Н. Гольдман говорит о множестве названий (не менее 9.000) еврейских газет, журналов, книг, выходивших в СССР между 1917 и 1948 годами, и замечает, что и теперь прежнее Сталина не разрешили возобновления ни одного из них, несмотря на прошения и несмотря на то, что в СССР есть ряд писателей, пишущих на “йидиш”.

Возражая Хрущеву относительно неумения евреев организовать свою

жизнь в самостоятельной национальной общине, д-р Н. Гольдман приводит аргумент — факт государственной и общественной жизни Израйля, объясняя неудачу в Биробиджане тем, что этот район лишен исторической связи с жизнью еврейства. Он также обращает внимание на то, что, по мнению Хрущева, евреи “по существу есть люди интеллигентных профессий”. В этом д-р Н. Гольдман видит проявление со стороны большевиков тенденции к унижительной сегрегации евреев (discriminaci6n contra los judios) и отмечает случаи ограничений, с которыми евреи встречаются при выборе профессий и на пути получения высшего образования, не говоря уже о том, что о еврейском национальном высшем образовании не может быть и речи.

Из этих замечаний д-ра Н. Гольдмана становится очевидным, что еврейство в СССР, под властью коммунизма попало между молотом и наковальней, ...между серпом и молотом. Ассимилируйся, но тебе всегда будут напоминать, что ты еврей! Будь евреем, но не смей жить своей национальной жизнью, и уж, конечно, не смей мечтать о выезде в Израиль! Да, да... Советская власть умеет “понемногу затягивать державные бразды”. Как нынешние времена непохожи на те дни, когда английский публицист Виктор Голланц, вернувшись из советской Москвы, восторженно говорил о счастье им там пережитом. Счастье состояло в том, что только в советской Москве, и нигде в другом месте мира, г-н Голланц мог вполне забыть, что он еврей. Впрочем, если бы он и тогда сменил английский паспорт на советский, ему тотчас же напомнили бы об этом, отметив его национальность в паспорте. Повторим: советская власть познается только опытно, только личным опытом, а В. Голланц был в Москве туристом, гостем.

В конце своей статьи д-р Н. Гольдман подчеркивает, что в других коммунистических странах (пример Польши) евреям разрешается проявление национальной жизни и эмиграция в Израиль.

В заключение статьи он пишет: “Остается спросить: каково будущее этой проблемы? Если верно, что признавая наличие проблемы Хрущев открывает путь для возможного обсуждения, то мы верим, что будет открыта дорога, чтобы его продолжить. И в этом случае мы надеемся, что Советский Союз признает, как единственный возможный модус-вивенди — дать евреям права свободной национальности, разрешив им эмигрировать в Израиль и дать их национальной культуре и свободе высказывания соответствующее место”.

Такова обстановка. Позволим себе высказать свои соображения.

Прежде всего, мы опытно убеждены, что замечание д-ра Н. Гольдмана о свободе еврейских общин в Польше и иных коммунистических республиках вне русской земли чрезмерно радужно. Нельзя забывать, что раньше так же точно было в СССР. Была еврейская печать, были еврейские школы и театры. Вопросы об эмиграции в Израиль не было в силу обстановки. Это все в невозвратном прошлом. Это же произойдет и в Польше и т.д. в неперменном будущем. Большевики умеют “понемногу затягивать державные бразды”. Затянут их и в Польше и в Румынии, если не раньше, то позже. Развязать эти “бразды” можно только топором.

Мы не можем себе представить, как Хрущев поставленный перед альтернативой, высказанной д-ром Н. Гольдманом, станет решать вопрос о праве еврей эмигрировать в Израиль. Дать им это право т.е. право выезда из СССР по собственному желанию, значит выделить их в правовом отношении, дать

им преимущество перед остальными гражданами. Это значит вызвать зависть всего населения к евреям, вызвать национальный антагонизм и возбудить мысль, что евреи это привилегированная нация в СССР. Стоит ли говорить об осложнениях, которые отсюда последуют и для Хрущева, т.е. для советской власти, и для самих евреев в СССР. Между тем, Председатель Мировой Организации Сионизма ставит это условием "единственного возможного модус-вивенди"; и Хрущеву придется основательно подумать.

Если бы тут было до шуток, мы порекомендовали бы Никите Сергеевичу, чтобы евреям, которые захотели бы эмигрировать в Израиль давалась пожизненная научная командировка. Однако, когда в научную командировку отправятся рядовые обыватели с семьями, как только их отъезд примет известные количественные формы, ранее упомянутые проблемы возникнут с той же остротой. Повторим: мы не можем себе представить, как Хрущев станет реагировать. Он может такое ультимативное требование Мирового Сионизма назвать вмешательством во внутренние дела СССР, он может организовать демонстрацию евреев перед посольством Израиля под лозунгом: "Мы не желаем ехать в Израиль". (Еще и по-еврейски лозунги напишут!) Он может... впрочем, это его дело, и его заботы нас не беспокоят.

Вопрос разрешения в СССР еврейской печати, театров, школ и прочих проявлений культурной национальной жизни еврейства гораздо проще. Мы убеждены, что Хрущев пойдет навстречу. Однако, тут он может легко обыграть Мифовой Сионизм. Д-р Н. Гольдман будет удовлетворен, если в СССР вновь появятся печатные издания на еврейском языке, на "йидиш" или на древнееврейском. Но спрашивается: смогут ли еврейские писатели печатать свои работы? Разве мало в СССР русских писателей, которые свои сочинения печатать не могут? Их множество! Хрущеву неважно, на каком языке будет выходить газета, журнал или книга. Ему важно — что там будет печататься. В еврейской среде найдется также немало продажных душ, из которых составится нужный редакционный и цензурный аппарат, и честному еврейскому писателю дорога будет закрыта. Лауреаты найдутся из соответствующих слоев еврейства.

Действительно, все другие национальности СССР имеют свою печать, школы, театры и т.п. Но... на русском языке изворачивается история и культура России, на грузинском языке делается то же самое с историей и культурой Грузии, на украинском... украинские большевики издеваются над Украиной и так далее вплоть до истории и культуры удмуртской и коми-зырянской.

Предъявив Хрущеву условие "единственного возможного модус-вивенди", д-р Н. Гольдман может достичь того, что в СССР появится еврейская печать, школы и проч. И вот тогда на еврейском же языке будет извращаться история и культура еврейства, будет вестись агитация против буржуазного Израйля и, как большевики по-русски хулят Евангелие, так точно они по-еврейски будут хулить Тору и Талмуд. Не с первого выпуска, конечно.

Поражающее впечатление производит одна особенность коммунистической власти: она обреченно оборачивает себя сама против себя. Это происходит последовательно, неуклонно и обреченно. Что бы коммунистическая революция не обещала, она, в конце концов, поначалу "помазав по губам" исполнением обещаний, отнимает это, но отнимает уже бесповоротно, бессрочно... до тех пор, пока не кончится сама Советская власть! И еще интересно, что отнимает руками тех самых людей, которые были заинтересованы в получении обещанного. Все то, чем люди располагали в Императорской России в недостаточной, может быть, дозе, большевизм сначала расширил, а потом отобрал. Знаете, как черт дает червонцы, а на поверку выходит — глиняные черепки!

Число подобных примеров неограниченно велико, но коснемся наиболее выразительного: вопроса землевладения. Не станем говорить, что до революции у крестьянина в России было много земли. Но крестьянству было хорошо и оно только добрым словом вспоминает Царскую Россию. В революцию, за счет раздела помещичьей и проч. земли, у крестьянина земли прибавилось. Мало, но прибавилось. Но крестьянин недолго был владельцем земли. Пришло время. п р и ш л и колхозы. Советская власть землю дала, она же и отобрала, и отобрала крепко, основательно и бесповоротно. Но и колхозами дело не кончилось. Идет работа по превращению колхозов в совхозы, и когда эта акция будет завершена, крестьянин будет лишен даже и того намека на землевладение, каким является так наз. приусадебный участок. До революции крестьянин был малоземельным землевладельцем, коммунистическая власть дала ему землю и... превратила крестьянина в безземельного батрака.

И обратите внимание на то, чьими руками русское крестьянство лишается последних остатков своей земли. Эту акцию проводит крестьянин Никита Сергеевич Хрущев, в 1919 году проливший кровь, (правда не свою) за лозунг: "Земля крестьянам!" Ход событий, сила вещей, превосходящая его собственные возможности, заставляет его забыть классовые интересы, о которых он охотно говорит в аспекте ис-

4 сего июля, после тяжелой болезни скончался горячо нами любимый
РОМАН ВАСИЛЬЕВИЧ фон РЕМЕР
капитан артиллерии Югославянской армии
и погребен на Британском кладбище в Буэнос Айресе, о чем с глубокой скорбью извещают
ж е н а и д о ч ь

тории революции. Видно, в коммунизме скрыта некая тайная пружина, которая оборачивает обстановку и подтверждает историческую мудрость: неправда жлет себе и зло порождает зло для себя самого.

Не станем говорить, что до революции у евреев в Императорской России было много прав. На некоторую часть евреев даже распространялись ограничения "черты оседлости" и "процентной нормы поступления в университеты". Но плохо еврейству в России не было. Евреи, эмигрировавшие из России, здесь за границей, — от бывших миллионеров, ограбленных революцией, да революцией же ограбленных мелких лавочников, — только добрым словом вспоминают Царскую Россию.

Революция и коммунизм покончили со всеми ограничениями. Революция открыла евреям в Советской России дорогу и в столицы и в университеты и к министерским креслам. Еврейские театры и школы получили большую свободу, по сравнению с той, которую они имели до революции; полную свободу. И, конечно, 9.000 изданий на еврейском языке после 1917-го года было достижением революции для еврейства на русской земле. Чувства м-ра Виктора Голландца, испытанные им когда-то в советской Москве, были вполне оправданными.

Но годы шли и большевистская революция, казавшаяся многим евреям исполнением их национальных чаяний, повернулась к ним истинным своим лицом. Еврейство в СССР оказалось между молотом и наковальней. К этому обреченно привели какие-то трудно учитываемые силы, присущие всему извращенному учению коммунизма, силы выпирающие наружу помимо воли тех, кто стоит у власти.

Возможно, что Хрущев, как потомственный крестьянин, никогда не подумал бы ни до колхозов, ни до превращения колхозов в совхозы. Но, оказавшись у кормила корабля советской власти, как коммунист, а не как правитель России, он вынужденно работает против кровных интересов своего

РУССКАЯ ПИЩУЩАЯ МАШИНКА ПРОДАЕТСЯ

Смотреть по вторн., четв. и субботам от 6 до 9 час. вечера в библиотеке Русского Дома в Бажестере (Сан Мартин 344).

И. СОЛОНЕВИЧ

№ 19

РОССИЯ В КОНЦЛАГЕРЕ

Сарай набит плотной толпой. Где-то в глубине его — прилавок, над прилавком мелькают какие-то одеяния и слышен неистовый гвалт. По закону каждый новый лагерник должен получить новое казенное обмундирование, все с ног до головы. Но обмундирования вообще не хватает, а нового — тем более. В исключительных случаях выдается "первый срок", т.е. совсем новые вещи, чаще — "второй срок", старое, но не рваное. И в большинстве случаев "третий срок" — старое и рваное. Приблизительно половина новых лагерников не получает вовсе ничего — работает в своем собственном.

За прилавком мечутся человек пять каких-то каптеров, за отдельным столиком сидит некто вроде заведующего. Он-то и устанавливает, что кому дать и какого срока. Получатели торгуются и с ним и с каптерами, демонстрируют "собственную" рвань, умоляют дать что-нибудь поцелее и потеплее. Глаз завсклада пронзительны и неутомимы и приговоры его, повидимому, обжалованию не подлежат.

— Ну, тебя по роже видно, что промотчик *), — говорит он какому-то урку. — Катись катышком.

— Товарищ начальник!.. ей-Богу...

— Катись, катись, говорят тебе. Следующий.

"Следующий" нажимает на урку плечом. Урка кроет матом. Но он уже отжат от прилавка и ему только и остается, что на почтительной дистанции потрясать кулаками и позорить завскла-

*)Промотчик — человек проматывающий, пропивающий, проигрывающий казенное обмундирование. Это преимущественно уголовники.

довских родителей. Перед завскладом стоит огромный и совершенно оборванный мужик.

— Ну, тебя, сразу видно, мать без рубашки родила. Так с тех пор без рубашки и ходишь? Совсем голый... Когда это вас, сукиных детей, научат — как берут в ГПУ, так сразу бери из дому все, что есть.

— Гражданин начальник — взывает крестьянин, — и дома, почитай, голые ходим. Детишкам, стыдно сказать, срамоту прикрывать нечем...

— Ничего, не плачь, и детишек скоро сюда заберут.

Крестьянин получает второго и третьего срока бушлат, штаны, валенки, шапку и рукавицы. Дома, действительно, он так одет не был. У стола появляется еще один урка.

— А, мое вам почтение, — иронически приветствует его зав.

— Здравствуйте вам, — с неубедительной развязностью отвечает урка.

— Не дали погулять?

— Что, разве помните меня? — с заискивающей удивленностью спрашивает урка. — Глаз у вас, можно сказать...

— Да, такой глаз, что ничего ты не получишь. А ну, проваливай дальше...

— Товарищ заведующий, — вопит урка в страхе, — так посмотрите же, я совсем голый... Да поглядите...

Театральным жестом, если только бывают такие театральные жесты, урка подымает подол своего френча и из под подола глядит на зава голое и грязное пузо.

— Товарищ заведующий, — продолжает вопить урка — я же так без одежды совсем к чертям подохну.

— Ну, и дохни ко всем чертям.

Урку с его голым пузом оттирают от прилавка. Подходит группа рабочих. Все они в сильно поношенных городских пальто, никак не приносивших ни к здешним местам, ни к здешней работе. Они получают — кто валенки, кто телогрейку (ватный пиджачек), кто рваный бушлат. Наконец, перед завскладом выстраиваемся

класса. Почему? Потому, что находясь у кормила власти, он видит более широкие горизонты, которые в аспекте целей коммунизма его обязывают принимать меры, быть может, против своей воли, ибо так складывается течение событий коммунистической революции.

Хрущев господствует, но не властвует. "Князи господствуют, а вельможи властвуют", гласит Божественная Премудрость (Сравни. Марк. ХХ, 25). Вельможный класс общества в СССР, тот без которого вся власть Хрущева была бы подобна мыльному пузырю, в большом проценте состоит из еврейства. Но это стоящее у власти еврейство вынуждено было теперь, в ходе событий коммунистической революции обернуться само против себя, лишиться свой народ того, чего они добивались. По форме в СССР земля принадлежит крестьянам, а по существу крестьянин там — безземельный батрак. По форме в СССР евреи располагают всеми правами, а по существу, как мы видим из сообщения д-ра Н. Гольдмана, они находятся между... серпом и молотом. Один режет, другой бьет.

Д-р Наум Гольдман напрасно лелеет надежды на возможность сговориться с Хрущевым, говорить у него те и другие права для еврейских общин. Хрущев сам идет на поводу у событий. Для него запутанная доктрина марксистской лжи является фетишем, который его обязывает действовать вопреки логике, вопреки здравому смыслу, вопреки всем обещаниям, которые так красиво звучали когда-то. Еврейство попало в ту же западную революцию, в которую попало русское крестьянство и весь всероссийский рабочий класс, не говоря о прочих категориях, разумеется, оставшая в стороне категорию негодяев, встречающихся среди всех национальностей. Увы!

Тот, кто на личном опыте изучил советскую власть, кто дает себе отчет в сложности проблемы, описанной Председателем Мирового Еврейского Конгресса д-ром Наумом Гольдманом, тому понятно, что власть большевизма не только не хочет, но и не может дать добросовестного и честного удовлетворения ожиданиям и надеждам, в исполнении которых Мировой Сионизм видит единственный возможный модус-вивенди с советской властью.

Кончится эта путаница может только тогда, когда кончится Советская власть. Не раньше.
Н. Кусаков

все мы трое. Зав скорбно оглядываю

— Вам лучше бы подождать. брать...

В глазах зава я вижу какой-то шаюсь. Юра, он еле на ногах стоит другой вариант:

— Вы бы нас к какой-нибудь ше, и нам не так тошно...

— Это идея!

Через несколько минут мы уставлены к каким-то ведомостям: ср. — 1 и т. д.

Наше участие ускорило операцию через полтора эта операция была. От его давешнего балагурства не было бесконечно, смертельно усталый взгляд он третил:

— Вот уже третьи сутки на нем, все равно уже ничего не оста

вас ведь надо одеть. Сейчас вам п

— Да, вчера.

— И надолго?

— Говорят, лет на восемь...

— И статьи, вероятно, зверски

— Да, статьи подходящие...

— Ну, ничего не унывайте.

verloren — alles verloren. Устро

человек и не совсем шляпа — не

мало.

— А много веселого на воле?

— Да, и на воле тоже. Но та

ее знает... А я здесь уже пятый го

— На миру и смерть красна —

— Очень уж много этих сме

С. Л. Войцеховский

Письма из Нью-Йорка 1.

"А это как раз есть то единственное, но и достаточное условие, чтобы для защиты отечества снова сражались все российские люди вместе — коммунисты ли или антикоммунисты, безразлично — как это было в незабываемые для Родины дни 1941-45 годов".

(Анонимный корреспондент журнала "Часовой", №387, май 1958 года).

"Существует единственный рецепт уничтожения коммунизма — вбить клин между народом и партией".

(Польский писатель Иосиф Мацкевич, еженедельник "Вядомости", № 26 от 29-го июня 1958 года).

Нам, русским противникам коммунизма, не раз говорили, что наша ставка бита и борьба проиграна. Нас не раз зазывали в ловушку "добровольного возвращения на родину". Нас не раз пытались одурманить ядовитым воздухом "советского патриотизма", но еще никто и никогда не обращался к нам так прямо и так дерзко:

— Прекратите борьбу за освобождение России! Подчинитесь ее поработителям! Станьте, в случае войны, в ряды защитников безбоянной и бесчеловечной диктатуры!

Прав Б.К.Ганусовский — бывший заключенный советских тюрем и лагерей, а ныне сотрудник Нью-Йоркской "России" — назвавший "презренной статьей" этот вызов, брошенный нам анонимным корреспондентом "Часового". Прав он и в утверждении, что эта "презренная статья" написана в Москве под чекистскую диктовку.

Нового в этой очередной попытке чекистов воздействовать на нас, русских противников коммунизма, очень мало. Совершенно так же, тридцать пять лет тому назад, приехавшие за границу из Москвы советские агенты представители т.н. Треста, утверждали, что "новая экономическая политика" большевиков — доказательство их отказа от всемирной революции, от тоталитарного коммунизма. Совершенно так же они говорили нам, что величайшей ошибкой, непростительным преступлением было бы военное столкновение между СССР и другим, свободным государством. Совершенно так же они твердили нам, что не русский народ сметет коммунистических угнетателей, но советская армия, преобразясь и изменившись, освободит Россию и укрепит ее могущество. В удивительной статье "Часового", напечатанной по Бог весть каким соображениям его редакцией, нов только прямой призыв к тому, чтобы "все российские люди", с оружием в руках, сражались для "защиты отечества" против Запада и "прежде всего Северо-Американских Соединенных Штатов".

Отвергая этот призыв, нам, русским противникам коммунизма, не следует отрицать ошибок и даже преступлений, совершенных свободным миром то ли по незнанию и непониманию России, то ли под воздействием коммунистических обманщиков.

Кровь и страдание наших братьев, выданных Западом в Лиенце, в Платтлинге, в Дахау, нами не забыты и никогда не будут забыты! Эта кровь пятнает, однако, не только тех, кто выдавал — ею, гораздо больше, обрызганы и те, кто выдачи потребовал.

Нет — скажем мы корреспонденту "Часового" — в не забытые нами годы Второй Мировой войны не все русские

люди, вольно или невольно, сражались за укрепление коммунизма в России и за создание вооруженной силы, ныне угрожающей человечеству последней, истребительной войной.

Нет — скажем мы ему — как бы чисты и благородны ни были побуждения многих миллионов русских людей, увлеченных в тулик советской пропагандой и безумием Гитлера, правда была не на их стороне. Ее — эту подлинную, нравственную правду — и действительный, дальновзоркий политический разум и расчет представляли не они, несчастные жертвы Сталина и его опричников, а те немногие, кто и тогда, в эти трагические годы, не забыл или понял, что бороться за родину, честь и свободу — как это своей целью провозглашает "Часовой" — можно только против коммунизма, но никогда и ни при каких обстоятельствах в союзе с ним.

А.А.Власов и Русская Освободительная Армия, П.Н.Краснов и казачество, А.И.Рогожин и Русский Корпус, Б.А. Хольмстон и та горсточка русских воинов, которую он спас от выдачи своим Лихтенштейнским походом — все они, своей мученической смертью или своим бытием, отвергают обращенное к нам корреспондентом "Часового", воистину презренное предложение стать на сторону СССР в его агрессивной борьбе со свободным миром.

Нам, русским противникам коммунизма, выдающим счастье России в восстановлении права и свободы, с коммунистами не по пути — никогда и нигде!

*

Наша война с коммунизмом продолжается, как продолжается война коммунизма с еще не поработанной им частью человечества. Пусть многие, в этой не поработанной части, вплоть до самых высоких, самых ответственных ее представителей, трусливо отворачиваются от этой неприятной истины. Мы то знаем, что коммунисты никогда не откажутся от своей цели — мирового владычества. Мы знаем также и то, что, как каждый преступник, они боятся возмездия и, более всего, страшатся такого положения, при котором русский народ и свободный мир оказались бы в союзе.

Близорукость свободного мира, в частности, близорукость и предвзятость некоторых американских политических деятелей, организаций и правительственных учреждений, мешает возникновению этого союза. Как это ни горько, ни наше нравственное чувство, ни политический расчет не оправдывает превращения русских противников коммунизма в "советских патриотов".

Между тем, анонимный корреспондент "Часового" вовсе не одинок в попытке слить воедино Россию и советскую власть. В нашей собственной, зарубежной русской среде раздаются другие голоса, утверждающие, например, что Хрущев, на Ближнем Востоке, продолжает то, что было начато Империей.

Звучит ли в этих голосах невольное заблуждение? Раздаются ли они по указке из Москвы? Это — безразлично. Мы, русские противники коммунизма, должны отмежеваться от роковой ошибки. Если мы откажемся от непримиримости, если мы, хоть отчасти, признаем действия коммунистической диктатуры государственной политикой России, мы вложим страшное оружие в руки ее врагов и сторонников ее расчленения

*

Г. Месняев

СТОЯНИЕ ЗА ПРАВДУ

(К восьмой годовщине смерти И.С.Шмелева. Умер 24 июня 1950 года)

"Эмигрантский пафос Шмелева нашел предельно-яркое выражение в книге "Солнце мертвых". Написанная в начале революции, эта "эпопея" изображает разрушение, как самую суть революции, — как надругательство над Россией и здравым смыслом, как возвращение к быту звериному, — как дьявольское наваждение.

Неизбежность революции, ее исторического значения Шмелев как-будто не видит. Как будто 1917 год был концом всего, а не началом мирового сдвига и новой полосы русской жизни".

Так, с нескрываемым раздражением и неприязнью, писал об И.С.Шмелеве, политически запутавшийся в тенетах советского патриотизма, автор книги "Русская литература" Ив. Тхоржевский (Париж. 1950).

Годы, прошедшие после написания этих строк убедительно показали миру, особенно в дни подавления венгерского восстания, что сущность советской власти, ее звериное, дьявольское начало было понято И.С.Шмелевым совершенно правильно. Они показали, что "Солнце мертвых", которое И.Тхоржевский считал, хотя и талантливым, но все же только политическим памфлетом, вовсе не было выражением "эмигрантского" (т.е. партийного) пафоса, а выражением общечеловеческого пафоса, пафоса отчаяния, гнева и боли за человека вообще и за человека русского, в особенности.

И.С.Шмелева часто упрекают за то, что он изобразил русского человека заведомо неверно: в приукрашенных и даже слащавых тонах. Однако, именно "Солнце мертвых" показывает нам с какой беспощадной правдивостью он сумел раскрыть в этом якобы им идеализированном русском человеке, страшные пучины дьявольского обольщения. И несмотря на это, несмотря на то, что он бестрепетно заглянул в самую глубину бездонной пропасти русской греховности, И.С.Шмелев взял на себя задачу показать, что не темное и греховное является сущностью русской души, а совсем другое, то, что в ней не видят и не хотят видеть рационалисты и материалисты, люди усомнившиеся в русской правде и склонные искать эту правду в революции 1917 года, положившей, по их мнению, "на-

чало мирового сдвига и новой полосы русской жизни".

Страстно стремясь раскрыть пред миром сокровенную сущность подлинного русского духа, И.С.Шмелев должен был опровергнуть не только утверждения о национальном характере революции с ее воинствующим безбожием и бездуховностью, но и старую клевету на русского человека, на русскую жизнь и на Россию в целом, которую крепко внедрила в общее сознание, так называемая, русская "обличительная" литература. Достаточно вспомнить то нестерпимо глумливое и гнусное, что писал о современной ему России Салтыков-Щедрин, чтобы представить себе, в каком виде жила эта Россия в представлении рядового русского интеллигента. И.А.Бунин со свойственной ему прямоотой, резкостью и смелостью, так сказал об этой интеллигентской пошлятине, которая унизила Россию в глазах всего мира:

"Я истинно страдал, — писал он, — при этих вечных цитатах из Щедрина об Иудушках, о городе Глупове и градоначальниках, въезжающих в него на белом коне; зубы стискивал, видя на стене чуть не каждой знакомой квартиры Чернышевского, или худого, как смерть, с огромными и страшными глазами Беллинского, приподнимающегося со своего смертного ложа навстречу показавшимся в дверях его кабинета жандармам..."

Вот этой-то застарелой неправде о России и русском человеке, И.С.Шмелев в своих гимнах подлинной России ("Лето Господне", "Богомолье", "Няня из Москвы" и многое другое) противопоставил свою правду, правду о православном русском сознании, правду о забытой и неведомой русским просвещенным людям, богобоязненной, боголюбивой, стремящейся из века к небу, простой, народной России.

Описывая в "Записках неписателя" ("Русская Мысль", 1948 г. № 68 и последующие) замоскворецкий, простонародный быт дней своего детства и юности, он писал так:

"...уклад замоскворецко-купеческий, исконный, "качельный", с собаками цепными, с гвоздяными заборами, с курильницами староверов, с гаданьями, сонниками, утреньями, с "мамкой", с об-

Печатаемая статья своего анонимного корреспондента, В.В.Орехов пишет в "Часовом", что он имеет смелость "гарантировать в них отсутствие какой-либо провокации".

Смелое и напрасное утверждение... Оно, в лучшем случае, когда-нибудь поставит редактора "Часового" в положение В.В.Шульгина, поверившего Тресту... Ошибку В.В.Шульгина нельзя, однако, сравнивать с ошибкой В.В.Орехова. Трест никогда не славословил коммунистов и — на словах, по крайней мере, — стремился к их уничтожению и к восстановлению Монархии. Корреспондент "Часового", не впервые, именно от коммунистов, и только от них одних, ждет благодетельных перемен.

При наличии этой, мягко выражаясь, иллюзии, спорить с корреспондентом "Часового" не только бесполезно, но и вредно. Нужен не спор — нужна перегорка. Нужен точный и всем очевидный водораздел.

Недопустимо положение, при котором, под предлогом "свободных трибун" и в виде писем в редакции, в русскую зарубежную печать, все более широкой струей, вливается советская пропаганда.

Недопустимо положение, при котором советское наступление на свободный мир восхваляется в русской зарубежной печати — статья А.Дикого в "Русском Воскресении" (№ 113 от 17-го мая 1958 года) — под весьма благовидным предлогом борьбы с сепаратистами.

Это положение недопустимо потому, что — пользуясь словами того же А.Дикого — "частое и назойливое повторение даже заведомо ложных и абсурдных утверждений, к сожалению, способно воздействовать на людей, которые, казалось бы, этих утверждений не должны разделять, а, тем менее, их повторять".

Это положение недопустимо еще и потому, что мы живем не в безвоздушном пространстве. Как ни пренебрежительно отношение многих иностранцев к нам, русским противникам коммунизма, то, что мы говорим и пишем, все же рано или поздно ляжет на весы. Не дай Бог, чтобы на этих весах "советский патриотизм" части русских эмигрантов перевесил нашу непримиримость! Тогда, действительно, некому будет, в случае войны, развернуть трехцветный русский флаг!

*

Водораздел, о котором я пишу, возникнет не сразу. Слишком много в русской эмиграции личного и политического кумовства, слишком много снисходительности к "бывшим соратникам", "милым людям" и даже к явным попутчикам коммунизма, слишком, наконец, коротка память многих и слишком велико безразличие и равнодушие людей, столь многое перетерпевших...

Водораздел возникнет не сразу, но сейчас, немедленно, безотлагательно, необходимо сказать во всеуслышание:

— Мы, свободные русские люди, союзниками коммунизма не будем никогда!

С. Л. Войцеховский

рядностью... с няниными сказками, с болезненной, до обмороков, стыдливостью, с предельным целомудрием... с множеством икон в доме, обмоленных, почти ж и в ы х, с глубочайшим чувствованием и н о г о м и р а, который вот тут, близко, глядит и ш е п ч е т!.. Помните у Пушкина, — “скудный шепот”?.. Как это ширило мир и углубляло!.. Этот-то мир, народный, из глубин извечных, через Арину Родионовну в нашего Пушкина всосался... и не раскрылся: нечто, жизни враждебное, ревниво помешало”.

Просвещенные русские люди тех дней, в детском восторге глядевшие на Запад и презиравшие все свое, родное, которое они считали диким и азиатским, пренебрежительно прошли мимо этого чисто русского мира, не заметив в этом “темном царстве”, за гвоздяными заборами, охраняемыми цепными собаками, самого главного: того, о чем говорили русские иконы, обмоленные, почти живые, того, чему нечто враждебное, ревниво помешало раскрыться в русской жизни до конца.

Поэтому-то эти люди и их духовные потомки посчитали повествования И.С. Шмелева о старорусской, московской жизни чем-то выдуманным, ненастоящим и даже фальшивым. Кроме быта, с их точки зрения приукрашенного и сусального, они ничего не увидели в рассказах И.С.Шмелева. А, между тем, этот замечательный, блиставший самими яркими красками старорусский быт был только оболочкой того православного мироощущения, которое и создавало и освещало его.

Ю. Кутырина в биографическом очерке И. С. Шмелева, составленном ею к книге избранных рассказов, изданных Чеховским издательством в 1955 году, говорит о том, что “дед И.С.Шмелева — государственный крестьянин из Гуслиц, Богородского уезда, Московской губернии, старовер; кто-то из предков был ярый начетчик, боец за веру — выступал при Царевне Софье в “прых”. Предки матери тоже вышли из крестьянства, исконная русская кровь течет в жилах Ивана Сергеевича Шмелева”.

Вот именно эта исконно русская, крестьянская и староверческая кровь побудила И.С.Шмелева, вопреки фактам и явлениям революции и вопреки рационалистическому и материалистическому направлению его современников, горячо и страстно выступить на защиту русской, народной правды. И.С. Шмелев видел “солнце мертвых”, видел ужасающее русское крушение, невиданное нравственное падение русского человека, и, несмотря на это, он до конца своей страдальческой жизни, подобно его далекому предкам, отстаивавшим старую веру, непреклонно защищал русского человека от непонимания, поношения и поругания.

В рассказе “У старца Варнавы” И.С. Шмелев рассказал о том, как он совсем юным студентом, собираясь в свадебное путешествие на Валаам, по зову сердца, приехал в Троицко-Сергиевскую лавру к старцу Варнаве. По его словам, в те дни он “с увлечением читал Бокля, Дарвина, Сеченова”. “... Я многое узнавал, — говорит он, — и это знание вводило меня от самого важного знания — от Источника Знания, от Церкви”.

Много людей ждало выхода старца, толпясь у его кельи.

Батюшка вышел и позвал к себе “петербургских”.

“Нет никого из Петербурга”.

А он так весело на нас: “Идите-ка!..” Мы удивлены, подходим нерешительно. На нас глядят, дают дорогу.

В Петербург мы... — будто и “петербургские”. Как же он узнал?! Подходим. Бокль, Спенсер, Макс Штирнер... все забылось. Я как будто прежний, маленький, ступаю робко...

“Благословите, батюшка, на путь...”

Думал ли я тогда, что путь — пойдет за Валаам, во всю Россию, за Россию?.. Не думал. А он? Он благословил “на путь”.

Получая благословение от старца Варнавы, юный Шмелев сразу забыл Бокля, и Дарвина, и Макса Штирнера. Свое, русское, родное вдруг зазвучало в его сердце и продолжало звучать до конца его дней.

“Батюшка Варнава благословил “на путь”. Дал крестик и благословил. Крестик — и страдание и радость. Так верю”.

То, очень немногое, что мы знаем о современной России, о современных русских людях, об их действительных чувствах и настроениях, конечно, не

Н. Потоцкий

С БОЛЬНОЙ ГОЛОВЫ НА ЗДОРОВУЮ

На скамье подсудимых — Г. Месняев. На прокурорской кафедре — точнее в номере “Нового Русского Слова” от 1 июня с.г. — Е. Кускова. Г. Месняев обвиняется в “искажении истории”. Он осмеливается говорить о том, что в результате революции семнадцатого года навсегда ушел в прошлое “тот строй чувств и мыслей, те навыки и быт, которые были связаны с блеском державного Петербурга, с неповторимым московским своеобразием, с помещичьими усадьбами, со славянофилами и романами Тургенева и Толстого, со всей тонкой красотой народной жизни, со всей красочностью, теплотой и душевностью”; он говорит о том, что доре-

дает нам права делать какие-либо далеко идущие выводы. У нас нет твердых и непреложных данных утверждать, что шмелевская вера в русского человека, в определенные, свойственные только русскому народу народные устои, оправдывается сейчас на деле. Только неясные намеки, неопределенные, беглые черточки и штрихи из жизни современных русских людей, в какой-то очень недостаточной степени дают нам право верить (без этой веры и жить-то не стоит!) в то, что русский народ сейчас, подобно молодому Шмелеву, получавшему благословение от старца Варнавы, все больше и больше отходит от Бокля, Спенсера, Маркса, Ленина, Сталина и внутренне возвращается к прадедовской русской вере.

В одном из советских литературных альманахов напечатан очерк советской писательницы, в котором она передает свои впечатления от поездки на Светлое озеро, то самое, с которым связана легенда о незримом граде Китеже. За многие десятки километров стекаются к этому озеру паломники.

... спорят они у костров, извлекая из заплетенных мешков древние рукописные книги и “летописцы” об озере... По ночам паломники зажигают свечи, пускают их плыть по воде, для того, чтобы святая свеча указала путь в подводный город”.

Так объясняет это явление автору очерка местный художник:

“Ну что ж, народу верить надо. Духовная потребность. Бога нет, есть хоть озеро... Русский человек всегда по красоте тоскует. Тянется к необычному, к высокому... Сотни верст пройдут, чтоб ночь у озера поспорить... А двадцать лет назад про деда-то словно и забыли”.

— Что же случилось?

— Что случилось? А война. Устали люди. К ним подход особый нужен, подушевной... У иной старухи было четверо сынов и все погибли. Ну куда она, по-вашему, пойдет за утешением? Ведь не в клуб же? И идет на озеро или в церковь поскорбеть”.

Не удивительно ли все это? Не удивительно ли то, что после невиданных катастроф, обвалов, революций, войн, опустошений и разрушений, которые перенесла Россия, в жестоких условиях обязательного материализма и безбожия, продолжает жить шмелевская Русь? Не свидетельствует ли это о том, что то стояние за Русскую Правду, которому И.С.Шмелев отдал всю свою жизнь — зиждилось на твердых и неумирающих основах русского народного духа?

Не удивительно ли то, что шмелевские люди: Горкин, Няня из Москвы, баньщица Галчиха и другие, уже в ином обличьи, но все в том же русском чувствовании и н о г о м и р а, идут из-за сотен верст в Троицко-Сергиевскую Преподобному, и к Светлому озеру, и к Иову Почаевскому и во многие другие места, издавна освященные русской верой и русским благочестием? Не удивительно ли то, что поэт и писатель Борис Пастернак, пройдя тяжкий советский путь, пишет стихи, исполненные глубокого христианского чувства, а тысячи жителей Москвы в Светлую ночь заполняют все московские храмы и в церковных оградах с волнением слушают пасхальные песнопения?

Не говорит ли все это о том, что правда И.С.Шмелева — это Правда Русская и что непреклонное его стояние за эту правду уже начинает оправдываться жизнью и утверждаться много претерпевшими русскими людьми?

Г. Месняев

волюционный русский крестьянин “в поте лица обрабатывал свой собственный клочок земли и жил чисто русским, прадедовским, духовно богатым жизненным укладом”. А между тем, говоря это, Г. Месняев “искажает историю”.

“Да, — гремит прокурор, — крестьянин любил свой клочок земли. И, однако, должен был бросать его и уходить “на заработки” или бросать совсем, уплывал с семьей в далекую Сибирь. — на переселение. Клочек не только не давал ему “тонкости и красоты” его жизни, но и не давал достаточно хлеба — корма семье и скотине. Не было у него также и “духовно-богатого уклада”. Чехова и Толстого он читать не мог: был безграмотен”. “Культура старой России с ее чудесной литературой была высока, но ведь это была тонкая пленка над миллионами безграмотных людей, не знавших никакой культуры”. А потому, естественно недоумение тех иностранцев, которые, по словам того же прокурора, “нередко спрашивают: если все было так хорошо, зачем же вы делали революцию и почему в России с давних пор было столько революционеров?”

Начнем с ужасной доли русского крестьянина при проклятом царском режиме. Е. Кускова принадлежит к тем нашим до могилы горбатым “либералам” и “демократам”, которые, как вбили себе в юности в голову ту злощастную некрасовскую фальшивку, согласно которой в России не было ни одного угла, “где бы сеятель наш и хранитель, где русский мужик не стонал” так и прожили с нею не только до самой революции, но даже и до сего дня.

Ну, что в самом деле было ужасно в том, что в губерниях с недостаточной плодородной землей мужики сбивались, скажем, в плотничьи артели или в артели каменщиков, отправлялись в те местности, где шла стройка и, поработав там несколько месяцев, возвращались домой к семье с весьма неплохим заработком? Разве в культурной Европе мы не видим, напр., во Франции множества итальянцев-каменщиков, которые точно так же, с бесплодных склонов калабрийских гор, заполняют многие города Франции и сколачивают немалые деньжки для своих семейств? Ведь не приходит же в голову Е.Кусковой обвинять республиканское французское правительство в том, что по той же причине неплодородности земли, уже в течение многих десятков лет арабы, временно или навсегда, бросали свои алжирские клочки земли и отправлялись в метрополию работать в рудниках, на постройках и т.п.?

Что же касается переселения в Сибирь, которое Е.Кускова, повидному, склонна рассматривать, как какую-то трагедию для некоторой части русского дореволюционного крестьянства, то совершенно ясно, что в этой области она имеет самые смутные представления. Вполне естественно, что при прогрессирувавшем росте народонаселения в России в некоторых губерниях крестьянские наделы на душу уменьшались и создавалось малоземелье. Не оставшись равнодушным к этому факту, Императорское правительство предприняло организованное переселение этих малоземельных крестьян на пустовавшие плодородные земли Западной и Юго-Западной Сибири. Эти земли отводились крестьянам в полную собственность по 15 десятин удобной земли на мужскую душу. Крестьянские семьи, изъявлявшие желание переселиться в Сибирь и взяв с собой все свое движимое имущество, перевозились на казенный счет; при бывая на место, они могли получить в кредит, на очень льготных условиях, на специально для этой цели созданных громадных складах, сельскохозяйственные машины, семена полевых злаков и овощей. Кроме того, они получали особые льготы: освобождение от налогов на 3 года, от воинской повинности на 5 лет и т.п. Таким путем, с 1905 по 1916 г., в Сибирь, с помощью правительства переселилось более 4 1/2 миллионов человек.

Лягу к этому маленькую личную иллюстрацию. В Первую Мировую войну, в батаре, где я служил, большинство солдат было как раз из этих самых переселенцев. Несколько лет тому назад, они переселились в Сибирь, главным образом из Полтавской и Черниговской губерний, и теперь жили в

Сибири маленькими помещиками — у каждого было по 150, 200, 300 и больше десятин отличной земли в Томской и Семипалатинской губ. Народ все был рослый, краснощекий, большой физической силы. В 1917 г. во время выборов в Учредительное собрание эти дурни голосовали за... большевиков!

“Да ведь большевики у вас всю землю отберут!” — говорил я им. Не верили и голосовали за Ленина только потому, что большевики обещали им скорый мир и возврат по домам. Потом, наверное, хватался за волосы и вспоминали мои увещания, да было уже поздно. Должен сказать, что подавляющее большинство их было грамотно. И по этому поводу, точнее по поводу утверждения Е. Кусковой о том, что русское крестьянство до революции было безграмотно, нужно сказать, что эти утверждения являются совершенной фальшивкой. Быть может, это было при Царе-Горохе, в царствование же Императора Николая II грамотность в деревнях росла не по дням, а по часам. На 1000 призванных отбывать воинскую повинность было грамотных:

в 1903 г.	— 529
в 1913 г.	— 678
в 1920 г.	— 823

Последняя цифра особенно красноречива. В 1920 г., в результате гражданской войны, число школ значительно уменьшилось, и высший процент грамотности объясняется тем, что лица, достигшие к этому моменту призывного возраста, учились в школах перед войной.

С другой стороны, советская статистика свидетельствует с полной неопровержимостью, что поколение, достигшее школьного возраста в 1914 г., давало грамотных: в городах на 1000 — 918, а в деревнях — 710, т.е. следовательно, в деревнях неграмотных было уже 29%. Ясно, что нужно обладать крайней недобросовестностью, чтобы

говорить при этих условиях о поблальной неграмотности дореволюционного русского крестьянства. Утверждение же Е. Кусковой о том, что у русского мужика того времени не было духовно-богатого уклада только потому, что он не читал Чехова и Толстого, отдает чисто интеллигентским словоблудием. Не будем говорить, что можно только поразоваться за нашего мужика, что он не читал Толстого: что он мог вынести из его творения, предназначенных “для народа”, кроме рассказов о том, что царское правительство спавняет народ, что ни армия, ни полиция, ни суд не нужны, что церковное богослужение, это — какой-то глупый маскарад и т.п.? Но, поставив другой вопрос: а позаботилась ли наша либеральная интеллигенция и большинство представителей нашей литературы о том, чтобы у нашего крестьянина было подходящее чтение, для содействия выработке в нем духовно-богатого уклада? Что они создали для народа в этом направлении — все эти Горькие, Андреевы, Белые, Блоки, Бальмонты, Брюсовы и Ко?

Отрицающая возможность наличия у русского дореволюционного крестьянина этого богатого духовного уклада и тонкости и красоты в русской народной жизни, Кускова доказывает только то, что, принадлежа к чисто городской и по собственному признанию, безрелигиозной семье, она была органически неспособна ощутить этот уклад и эту красоту в русских народных, в особенности, в крестьянских массах. Разве русская народная поэзия, музыка, песни, танцы, наряды, вышивки и многое другое не есть доказательство именно этой тонкости и красоты в народной жизни? Разве глубокое христианское смирение простого русского человека, та величайшая терпимость его в религиозном и расовом отношении, которые помогли ему создать величайшую Империю в мире, его тяготение к Божией Правде, его милосердие даже к преступникам, как к “несчастеньким”, его самоотверженный героизм при защите своей земли от внешних врагов, неискоренимость его религиозного чувства, вопреки всем усилиям безбожной (безрелигиозной!) власти, его многовековая и безоговорочная преданность лозунгу “За Веру, Царя и Отечество”, — разве все это не свидетельствует самым ярчайшим образом именно о наличии у него того “прадедовского, духовно-богатого уклада”, о котором говорит Г. Месняев?

Е. Кускова отрицает наличие у русского крестьянина царского времени культуры. Нужно поставить вопрос ребром: что, собственно, нужно понимать под подлинной культурой? Если западноевропейский крестьянин одевает по

праздникам галстук, а русский оставался в лаптях или валенках, значит ли это, что первый был культурнее второго? Или, может быть, второй был все-таки культурнее первого потому, что каждую субботу мылся в своей собственной баньке, а первый не мыл — да и теперь не моет — своего тела по неделям? Дело, конечно, не в этом а в **духовном содержании** человеческого существа. И вот, нам думается, что в этом отношении наш дореволюционный крестьянин был высоко культурен по одному тому, что он крепко верил в Бога, понимал что грех есть грех, стремился устроить свою жизнь по Божьему, тянулся к просвещению, в свое время никак не мог примириться с неправдою крепостного права после манифеста о вольности дворянства, по мере сил своих помогал ближнему, отдавал свою жизнь на полях сражений за Царя и Родину, — одним словом всегда ставил духовное начало выше материального, что и является признаком истинной культуры, а не той, которая позволяет почтенным лэди и джентльменам подавать руку убийцам и палачам и выдавать этим убийцам невинных людей на муки и смерть. А когда, в результате усилий Царского правительства и лучших элементов самого населения, в России и без революции к 1922 г. не осталось бы ни одного неграмотного, тогда дошла бы до нашего мужика и наша "чудесная литература", по крайней мере, то, что в ней было подлинно чудесного с подлинно культурной точки зрения. А если г-жа Кускова главным мерилом культурности считает всеобщую народную грамотность, то что же она скажет нам, если мы напомним ей те весьма прикрасные для ее республиканских чувств факты, что, напр., во Франции в 1935 г. на 40 миллионов населения было 3 миллиона неграмотных, из которых 1.850.000 никогда не умели читать и писать, а остальные — разучились и забыли! А в САСШ в 1943 г. 13,9% призванных на военную службу молодых людей были неграмотны и имелось 3 миллиона американцев, которые никогда не посещали школы (статья "Внутри Америки" в одном из номеров "Н. Р. С." за 1950 г.)

Что же касается материального положения русского крестьянства перед революцией, то мы приведем специально для сведения г-жи Кусковой отрывок из книги А. В. Тырковой-Вильямс, бывшей коллеги Е.Кусковой по разрушению старой России, но гораздо более добросовестной в своих суждениях о последней. В этой книге ("То, чего больше не будет") А.В.Тыркова пишет (и интересно, что дело идет о положении крестьянства в Новгородской губернии, земля которой по плодородию много уступала черноземным областям России):

"В детстве мы очень любили крестьянские праздники, их яркость, шум, движение, шмыготню и крики ребят пестрых девиц, прогуливавшихся из конца в конец широкой улицы. Хождение по улице начиналось сразу после обеда и кончалось поздней ночью. Первый выход — все в ситцевых платьях. Если в тот год пошла мода на желтое, все, как одна, щеголяют канарейничными нарядами. Если мода на бордовое — все в бордовом. В деревне мода такой же деспот, как в Париже. Ситцевые платья полагалось менять несколько раз в день. Под вечер наступала очередь шерстяных платьев. За последние десять лет между японской войной и войной 1914 г. русское крестьянство стало стремительно богаче. Дочки уже щеголяли в шелковых платьях".

И когда Е.Кускова задает ехидный вопрос: "много ли сейчас в России людей, которые... хотят эту старую Россию вернуть целиком?", то можно быть уверенным, что если эти "дочки" еще живы и если они, хотя бы под сурдинку рассказали своим детям и внукам, как они носили до революции шерстяные и шелковые платья и вообще как они жили, питались и какой свободой труда и правом на свой клочек земли пользовались, то такую старую Россию они захотят вернуть именно целиком — к величайшему сожалению г-жи Кусковой об их "некультурности".

А когда иностранцы спрашивают г-жу Кускову: "зачем же вы делали революцию и почему в России было так много революционеров?", то можно побиться об заклад, что у нее не находится гражданского мужества ответить на эти вопросы с полной правдивостью и сказать, что "делало революцию" только то незначительное меньшинство русской интеллигенции, у которого, еще с времен петровских реформ, мозги покривились налево, а позвоночник искривился почтительно перед западно-европейской культурой с ее принципами "великой французской революции", Вольтерами, английским парламентаризмом, четыреххвосткой и прочими "нетленными ценностями", которые ныне завели эту самую культуру в болото кризисов, забастовок, инфляций и панических страхов перед советскими спутниками; и что революционеров в царской России было тоже совсем немножко, ибо во всех революционных партиях, вместе взятых, числилось едва ли десять тысяч человек, а политических заключенных, напр., в 1913 г. было немногим более трех тысяч! Всего этого г-жа Кускова, конечно, не скажет, ибо это было бы "искажением истории", но зато теперь мы скажем ей, что она употребила это выражение, совершенно не подумав о том, что сделала это по простоте душевной (как

говорится, "и на старуху бывает проруха") с больной головы, да на здорую, ибо на скамье подсудимых по обвинению в этих искажениях истории следовало бы сидеть вовсе не Г. Месняеву, а всему нашему так называемому "освободительному" движению, которое на всем протяжении своей высокопатриотической деятельности только такими искажениями (чтобы не употреблять несколько более точных выражений) и занималось.

Когда эти "освободители" и печальники о Русском народе рассказывали нам, например, о том, что и в России была демократическая республика — в Великом Новгороде; что допетровская Русь была царством самого темного невежества, грубости, косности, бескультурья, стоявшим "над самой бездной"; что Император Павел Первый был сумасшедший деспот; что декабристы, замыслившие убийство всей Царской Семьи и устройство самого настоящего полицейского государства по "Русской Правде" Пестеля, были благороднейшими идеалистами; что Император Александр Третий был закоснелый реакционер и "гаситель духа"; что Россия при царях была "тюрьмой народов"; что в провинциальных русских городах были только одни церкви и совсем не было библиотек; и что, наконец, революция Февраля 1917 г. была "бескровной", "всенародной" и принесла Русскому народу освобождение от неслыханного гнета царского произвола, — то все это, разумеется, не суть "искажения истории"! И когда эти "борцы за правду" лгали направо и налево, как лгали офицеры-декабристы своим солдатам о том, что Николай I узурпаторски захватил престол, как, чисто по-незультски ("цель оправдывает средства") лгали мужикам революционеры-агитаторы, читая им "манифесты" с подделанной царской печатью о том, что нужно громить помещиков и забирать их землю, как лгал Миллюков на Царя и Царицу, крича с думской трибуны о "глупости или измене", — все это тоже не "искажения" правды, не плевок в душу Русского народа, не покушения на угашение его совести, чести, верности своим царям, которых он всегда считал своими отцами!

Г-жа Кускова может быть спокойна: Русский народ достаточно культурен в подлинном смысле этого слова, в умении отличать Добро от Зла, правду от лжи и "искажения истории" от того правдивого изложения ее, которое давали и даем ему мы, русские монархисты. И от своих отцов и дедов, из правдивых книг классической и просто добросовестной в изображении русской дореволюционной жизни русской литературы наши народные массы знают правду о той красоте народной жизни и о том духовно богатом ее укладе, которые были возможны только под эгидой

боголюбивой и правдолюбивой царской власти, и которые умерли тотчас же после Февраля 1917 г. при одном прикосновении к ним гнилого дыхания "демократии" в том смысле, как ее понимают безрелигиозные г-жи Кусковы. Знает наш народ правду и о том материальном благосостоянии, которое непрерывно росло в эпоху перед революцией и которое делало последнюю абсолютно ненужной его трудящимся массам. Уже во время Второй Мировой войны Н. Февр ("Возрождение", тетрадь 7-я) беседовал с русскими мужиками в занятых немцами областях.

"Ну, а при Царе как было — спрашивает он их — хуже или лучше?"

При упоминании о Царе вся изба наполняется шумом, движением, охами и ахами.

"Уж и не говори про те времена-то — вздыхает мельник. — Ох, и жили мы тогда, дай Боже, еще когда-нибудь так пожить..."

"Пуд крупчатки рупь двадцать стоил", — со стоном вырвалось у мельничихи.

"Пара сапог — десять рублей" — шумно выдыхнул кто-то.

"Платок шерстяной — 1,50 рубля..."

Несколько минут прошло в перечислении всех благ жизни сказочного царского времени. И то обстоятельство, что они царское время вспоминают как какой-то замечательный сон, еще более оттеняет тот ужас, который принесли с собою советская власть.

Были когда-то кающиеся дворяне. Есть ныне и кающиеся революционеры, как А.В.Тыркова. Е.Кускова к ним не принадлежит — у нее нет одного из величайших достоинств подлинного человеческого благородства и высоты духа — посмотреть правде в глаза, подойти к посаженному ею на скамью подсудимых Г.Месняеву и сказать ему: "Простите меня, встаньте и уступите мне свое место. Это мы, русские "либералы" и революционеры, искажали историю, клеветали на Царскую власть, подрывали духовные устои нашего народа, сложившиеся на протяжении веков. И если наш народ сейчас уже сорок лет томится в цепях и влачит жалкое существование, в этом виноваты именно мы. И Февраль 1917 г. — наш великий грех, в котором мы должны покаяться и понять то, что поняли раньше нас более чуткие и духовно самоотверженные люди".

То, что поняла, например, Марина Цветаева, когда писала в мае 1917 года. Из строгого, стройного храма Ты вышла на визг площадей... Свобода! — Прекрасная дама Маркизов и русских князей.

Свершается страшная спелка, Обедня еще впереди! Свобода! — Гулящая девка На шальной солдатской груди!

Н. Потоцкий

вет и нас и, наши очки...

На ваши фигурки трудно подо-

о сочувственный совет и согла-

ит от усталости, предлагает заву

работе пристроили. И вам луч-

же сидим за прилавком и при-

бушлат — II ср. — I, штаны III

цию выдачи почти вдвое. Часа

закончена, и зав подошел к нам.

осталось и следа. Передо мной

ый человек. На мой вопросите-

огах. Все одеваем... Завтра кон-

лось... Да, — спохватился он, —

одберут. Вчера прибыли?

е?

Знаете, как говорят немцы: mit

итесь. Тут, если интеллигентный

пропадет... Но, конечно, веселого

— семья... Как она живет, Бог

д. Да.

кисло утешаю я...

тей... Вы, видно, родственники.

Я объясняю.

— Вот это удачно. Вдвоем, на много легче. А уж втроем... А на воле у вас тоже семья?

— Никого нет.

— Ну, тогда вам пустяки. Самое горькое — это судьба семьи.

Нам приносят по бушлату, паре штанов и прочее — полный комплект первого срока. Только валенок на мою ногу найти не могут.

— Зайдите завтра вечером с заднего хода. Подыщем.

Прощаясь, мы благодарим зава.

— И совершенно не за что, — отвечает он. — Через месяц вы будете делать то же самое. Это, батенька, называется классовая солидарность интеллигенции. Чему-чему, а уж этому большевики нас научили.

— Простите, можно узнать вашу фамилию?

Зав называет ее. В литературном мире Москвы это весьма небызвестная фамилия.

— И вашу фамилию я знаю, — говорит зав. Мы смотрим друг на друга с ироническим сочувствием...

— Вот еще что: вас завтра попытаются погнать в лес, дрова рубить. Так вы не ходите

— А как не пойти? Погонят.

— Плоньте и не ходите.

— Как тут плонешь?

— Ну, вам там будет виднее. Как-то нужно изловчиться. На лесных работах можно застрять надолго. А если отвертитесь — через день-два будете устроены на какой-то приличной работе. Конечно, если считать этот кабак приличной работой.

— А под арест не посадят?

— Кто вас будет сажать? Такой же дядя в очках, как и вы? Очень мало вероятно. Старайтесь только не попадаться на глаза всякой такой полупочтенной и полупартийной публике. Если у вас развито советское зрение — вы разглядите сразу...

Советское зрение было у меня развито до изощренности. Это

— тот сорт зрения, который, в частности, позволяет вам отличить беспартийную публику от партийной или "полупартийной". Кто его знает, какие внешние отличия существуют у этих, столь неравных и количественно и юридически категорий. Может быть, тут играет роль то обстоятельство, что коммунисты и иже с ними — единственная социальная прослойка, которая чувствует себя в России, как у себя дома. Может быть, та подозрительная, вечно настороженная напряженность человека, у которого дела в этом доме обстоят как-то очень неважно, и подозрительный нюх подсказывает в каждом углу притаившегося врага... Трудно это объяснить, но это чувствуется...

На прощанье зав дает нам несколько адресов: в таком-то бараке живет группа украинских профессоров, которые уже успели здесь окопаться и обзавестись кое-какими связями. Кроме того, в Подпорожьи, в штабе отделения, имеются хорошие люди X, Y, Z, с которыми он, зав, постарается завтра о нас поговорить. Мы сердечно прощаемся с завом и бредем к себе в барак, увязая в снегу, путаясь в обескураживающем однообразии барачных.

После этого сердечного разговора наша берлога кажется особенно гнусной...

ОБСТАНОВКА В ОБЩЕМ И ЦЕЛОМ

Из разговора в складе мы узнали очень много весьма существенных вещей. Мы находились в Подпорожском отделении ББК, но не в самом Подпорожьи, а на лагерном пункте "Погра". Сюда предполагалось свезти около 27.000 заключенных. За последние две недели сюда прибыло шесть эшелонов, следовательно, 10-12.000 народу, следовательно, по всему лагпункту свирепствовал невероятный кабак и, следовательно, все лагерные заведения испытывали острую нужду во всякого рода культурных силах. Между тем, по лагерным порядкам всякая такая культурная сила — совершенно независимо от ее квалификации — немедленно направлялась на "общие работы", т.е. на лесозаготовку. Туда отправлялись и врачи, и инженеры, и профессора. Интеллигенция всех этих шести эшелонов рубила где-то в лесу дрова.

Дневник наблюдателя

ВЗРЫВ

Легко вести дневник, когда день сменяется другим без существенных событий. Но бывает, что события скопляются в таком объеме, что не хватает ни времени, ни места в газете, даже для кратких заметок о происшедшем. Еще не смолкли голоса, обсуждавшие надобность посылки американских войск в возмущенный вмешательством коммунистических Ливан, когда преступная революция в Ираке заставила ливанского премьера Шамуна просить Президента САСШ, во исполнение договора о защите стран Ближнего Востока, предоставить Ливану военную поддержку для успокоения страны.

В Париже толпы веселились, вспоминая позорнейший день истории Франции — 14-ое июля, когда в Ираке группа коммунистически настроенных военных, при соучастии распушенной черни, совершила преступление революционного переворота. Руководимые генералом Абдул Карим Кассимом эти офицеры 14-ое июля зверски убили короля Ирака Фейзала, премьер-министра Нури Сауда и наследного принца-регента Абдула.

Революция в Ираке, угрожавшая распространить свое действие и на Иорданию, мгновенно переменяла картину, выявив степень энергии коммунистического мира, направленной на овладение странами Ближнего Востока.

Обращение Айзенхауэра к Конгрессу и к народу САСШ, и делегата САСШ в ООН к этой организации о высадке в Ливане сделаны в тоне исполненном достоинства и такта, а посылка воинских соединений в Ливан опирается на параграфы договоров и Хартии ООН. Вслед за этим произошла высадка английских воинских частей в Иорданию, чему предшествовала просьба короля Иордании Гуссейна. Высадки продолжаются. В порту Бейрута сконцентрированы военные суда САСШ, Англии и Франции.

С момента высадки американских воинских частей в Ливане и в связи с тем, что переворот в Ираке ставит под угрозу нефтеснабжение всей Западной Европы, чтобы не сказать больше, весь мир затрясся в лихорадке напряжения, подобного тому, которое было в последние дни августа 1939 г. Разница лишь в том, что тогда все внимание было сосредоточено на поведении Гитлера, нарушившего международное право, а сейчас лихорадка вызвана ужасом возможности возникновения войны.

Вся американская армия находится в положении боевой тревоги. В турецкой базе НАТО Адан высажена эскадрилья, снабженная атомным оружием. На границе с Турцией во Фракии при участии болгарской армии, в Закавказьи и близ Японии, СССР производит грандиозные маневры. Нассер, по получении вестей о перевороте в Ираке, тотчас вернулся из Югославии в Каир, затем снова метнулся на север. Повидавшись с Тито, он устремился в Москву, где восемь

часов говорил с Хрущевым, после чего произнес в Дамаске угрожающую речь, требуя немедленного вывода американских войск из Ливана.

Со всех сторон слышатся угрозы и бряцание оружием никогда не было столь звонким, как в эти дни. В ООН идут лихорадочные заседания. То Совет Безопасности обсуждает советскую жалобу на САСШ и отвергает ее, то созывается экстренное заседание Генеральной Ассамблеи для обсуждения то советского требования осудить американскую агрессию, то американской жалобы осудить агрессию Объединенной Арабской Республики в Ливане.

Все красные республики поторопились признать красный Ирак. В ООН — неясность: принять ли нового представителя Ирака, когда еще неясно положение только что свергнутого правительства? И крайне многозначительно звучит заявление короля Иордании Гуссейна, выражающего решимость восстановить справедливость в Ираке и устранить от власти тех, кто допустил преступное кровопролитие и царевыйство.

Невозможно, скажем вновь, даже вкратце пречесть все события, которые сегодня заставляют весь мир трепетать перед страшной мыслью, перед страшным вопросом: будет война или нет?

Как бы громко ни бряцало оружие, как бы велико ни было возбуждение, призывы к миру звучат не только на словах, но и на деле. Если Нассер, с согласия Хрущева, заявляет, что будет драться "до последней капли крови" за свободу арабов, в том случае, если американцы и англичане не уйдут из Ливана и Иордании, то он же одновременно говорит, что новое "правительство" красного Ирака (уже фактически принятого в Объединенную Арабскую Республику) ни малейшим образом не нанесет ущерба нефтяным интересам Западного мира. Биржи мировых столиц то отмечают повышение интереса к акциям военных предприятий, то проявляют неуверенность, то, наконец, поддаются под влияние спокойного рассмотрения необходимости перемещения капиталов с Ближнего Востока в другие места, в частности, в Латинскую Америку, что является проявлением настроения успокоиться на том, что ближневосточная нефть потеряна и что капитал должен искать себе применения в другом месте. О том, что нефть уйдет во вражеский стан, близорукий капитал беспокоится мало.

Страх перед одним словом "война" сковывает весь мир и тенденция уступок коммунизму не изжита, несмотря на исторический опыт.

Вопрос решается не тем: уйдут ли САСШ и Англия из Ливана и Иордании или не уйдут, а тем: поведет ли создавшееся положение к дальнейшему развиту конфликта, или он будет "заморожен". Бряцание оружием может перейти в бесконечные переговоры и дебаты в ООН. В этой обстановке шансы коммунистического мира стоят значительно выше, нежели шансы мира Западных Демократий.

Если САСШ и Англия уйдут, это означает полную победу коммунизма не только в сегодняшнем конфликте, но и вообще, навсегда; победу в том направлении, чтобы — войной или миром — поработить весь мир. Это значило бы,

El error fatal del mariscal Zhukov

Por LOUIS FISCHER

(Conclusión)

Khrushchev está ahora en la cúspide, pero ¿qué le garantiza que seguirá ahí? Tiene 63 años de edad y debe vigilar constantemente a los jefes del ejército y a los jóvenes dirigentes del partido y del gobierno, que cada día son más audaces, mientras que él envejece. ¿Debería utilizar la policía secreta para mantenerlos a raya? ¿O realizar purga tras purga como lo hizo Stalin?

Sus enemigos forman una verdadera legión. Si las cosechas son buenas y la industria se sobrepone al actual caos de la descentralización, es posible que Khrushchev se mantenga en el poder. Eso sí, cualquier fracaso de importancia en la economía o en las relaciones exteriores hará que sus adversarios se lancen contra él. Si la Unión Soviética sufre una derrota en el plano internacional, se culpárá nuevamente a Khrushchev, porque, incluso sin ejercitar los poderes de que disfrutaba Stalin, se le considera como el Número 1, o el hombre que ocupa el cargo más vulnerable.

Nadie puede predecir si Khrushchev sufrirá el fin que él ha deparado a otros, ni cuándo o en manos de quién sucederá. Lo único cierto es que sus intenciones de obtener que el partido administre las industrias, el ejército y todo lo demás producirán desvanencias, resentimientos y eposición. El aplastará la oposición o se verá aplastado por ella.

Б. Башилов просит лиц, желающих прийти ему на помощь в его публицистической деятельности, высылать ему прочитанные номера "Нового Русского Слова" и других изданий, выходящих в САСШ, а равно и в других странах, по адресу:

Sr. M. Tamarzeff, Casilla de Correo Nº 4, Villa Ballester, FNGBM

Требуется РЕГЕНТ, знающий церковное пение и службу. Возможно совмещение с частной службой. Желательно указать специальности, знание испанского языка, возраст и семейное положение.

Обращаться письменно в Русскую Православную Церковь в Montevideo (Uruguay), calle Guaviyú 2761

что САСШ навсегда сошли бы со сцены, как держава, способная поставить свою волю выше других держав и, прежде всего, против воли Советского Союза, объединенного с арабским миром, с Китаем и с Тито, при сочувственной безучастности Индии.

Если произойдет "замораживание", то проигрыш Западных Демократий будет не столь заметным, но не менее роковым. Его последствия не замедлят сказаться тогда, когда уже Западный Демократическому миру не останется никакого выбора, когда даже нельзя будет думать о войне за свою честь, за свои интересы, за свободу, справедливость и независимость.

Сегодня звучит красивая, избитая фраза, что "мир сидит на бочке с порохом". Найдется ли сила, которая, дальнорочно проглядывая будущее, решится настоять на своем, отстоять поруганную честь Ирака, дать по рукам зарвавшемуся коммунизму и ценой страшного напряжения, не исключаяющего войну, изгнать коммунизм с Ближнего Востока?..

А если?.. Если действительно красная сторона, в переоценке своих сил, не сумеет удержать роковую руку, готовую спустить курок первого выстрела, и разразится Третья Мировая Война найдется ли мудрая голова и чистое сердце, способное понять, что конец всемирному беспорядку лежит там, где начинается освобождение России от клики безумных коммунистов, упрямо, из одного поколения своих вождей в другое, ведущих к порабощению мира? Найдутся ли политические деятели, понимающие, что война против СССР может быть легко выиграна только тогда, когда это будет война за освобождение России?..

Не видно такой головы, не чувствуется чтобы нашлось такое сердце, и это наполняет нас еще большей тревогой, нежели тревога, вызываемая опасностью войны.

Наблюдатель

НАША СТРАНА

ОРГАН МОНАРХИЧЕСКОЙ МЫСЛИ
NUESTRO PAIS

Organo Monárquico Ruso

Editor-Director

VSEVOLOD DUBROWSKY

Monroe 4219, Buenos Aires, Argentina

ПРЕДСТАВИТЕЛИ
AMERICA DEL SUR:

Brasil: Leo Rubanov, Caixa postal 8466
Correio Central, Sao Paulo.

Chile: Sr. Nicolás Rogalev, Correo Central Clasificador F 456, Santiago de Chile.

Venezuela: Sr. K. Kellner, Av. Sarria 24, Quinta Coromoto (Club Ruso), Caracas.

Paraguay: Sr. A. F. Lapchinsky, M.P. O. C. Dirección General de Vialedad, Alberdi esq. Gral. Díaz. Asunción. U. S. A.

Mrs. M. S. Kingstone, 11 Wolfe ave. San Rafael, Calif. USA.

Mr. A. Klushkin, 196 — 6-th Ave, Apt. B. San Francisco 18, Calif.

Mr. M. Maltzeff, 1332 Lucille Ave, Los Angeles 26, Calif.

The Russian National Book Store, 327 E. 14-th St. New York 3. N. Y.

Allies Book Shop, 3456, Broadway, New York 31, N. Y.

CANADA

Mr. B. A. Romanovsky, 12036-90 Str., Edmonton, Alta.

Mr. A. Kostyria, 6 Argyle St., Toronto 8, Ont.

Mr. André Alpatoff, 11961, rue Poincaré. (Bordeaux), Montreal (P. Q.)

EUROPE

Belgique: Librairie et Bibliotheque Slave — 13, Rue de Roumanie, Bruxelles

France: Mr. A. Krivocheff, "Kama" 27, rue de Villiers, Neuilly s/Seine, Seine.

Germany: Frau J. Seuberlich, Welfsburg Postfach 142

Greece: Mr. Filatoff, Rue Dedalou 14, Athènes.

Holland: Mej. A. Løper, Amsterdam-sche Weg 96, Arnhem.

AUSTRALIA

Mrs. E. Parker, 28 Queen Bess Str. Buranda, Brisbane, Q.-d.

Polyglot Book Depot, 256 Collins Str., Melbourne C. 1.

Mr. M. M. Spassovaky, 8, Richmond Str., South Wentworthville, N.S.W.

Контора газеты "Наша Страна" очень просит гг. подписчиков, имеющих возможность внести подписную плату за полгода или за год вперед, сделать это незамедлительно.

Продолжается подписка на ЕЖЕНЕДЕЛЬНУЮ ГАЗЕТУ

НАША СТРАНА

основанную И. Л. Солоневичем под редакцией Вс. Дубровского

ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО НОМЕРА

Аргентина — 4.50 песо; САСШ — 30 ам. цент.; Канада — 30 кан. ц.; Бразилия — 12 круз.; Венесуэла — 1 бол.; Уругвай — 60 ур. сент.; Парагвай — 10 гуар.; Чили — 100 чил. песо; Англия — 1 ш. 3 пенса; Франция — 75 фр. фр.; Бельгия — 10 бельг. фр.; Швейцария — 1 шв. франк; Германия — 75 пф.; Иран — 15 риал; Австралия — 1 ш. 6 пенс. австр.; Марокко — 75 фр.; Италия — 200 лир; Голландия — 0.65 гульдена; Швеция — 1 шв. кр.

ПО ВОЗДУШНОЙ ПОЧТЕ

САСШ и Канада — 35 цент.; Бразилия 15 круз.; Венесуэла — 1.25 бол.; Парагвай — 12 гуар.; Чили — 150 чил. песо; Франция — 110 фр. фр.; Германия — 1 нем. марка; Голландия — 1 гульден.

В розничной продаже и при подписке — цена номера одинакова.

Подписка принимается Редакцией "Нашей Страны" и ее представителями на определенное количество порядковых номеров.

Подписную плату настойчиво просим вносить не менее чем за десять номеров вперед.

ДОКТОР Вл. ГОЛОВИН

ГЛАЗНЫЕ БОЛЕЗНИ

Ежедневный прием от 14 до 20 час.

Independencia 825,

Villa Ballester (est. Chilavert)

26 июля 1958 г. в 21 час состоится ежегодный

БАЛ

Союза Св. Бл. Вел. Князя Александра Невского

в прекрасном зале "Hotel Savoy", Callao 181

Играют два джаз-оркестра, программа, обильный буфет, лотерея и много других развлечений.

Чистый приход идет на постройку дома для престарелых и инвалидов.

Билеты можно получить у членов Об-ва. Столики заказывать у М. П. Ергинной Т. Е. 242-3609

Правление.

БОЛЬШОЙ КОНЦЕРТ БАЛ

ЮБИЛЕЙ ДЕСЯТИЛЕТИЯ ОСНОВАНИЯ ОБЩЕСТВА "ДОМ РУССКИХ БЕЛЫХ"

состоится 16 августа с.г. в 21 час в

"CASAL CATALUÑA", calle Chacabuco 863

Правление Д. Р. Б. надеется, что будет иметь честь увидеть на этом празднике всех друзей Белой Идеи.

Большая программа с участием артистов русской оперы и балета. Продажа билетов в Д. Р. Б. и при входе. Запись на столики в ложах и в зале принимается по телефону 97-0447 и в буфете Дома.

Правление